

18+ КРУТ

БЕЗБОЖНИКОВ

АЛЕКСЕЙ КУДРЯВЦЕВ

Алексей Кудрявцев
Круг Безбожников

«Издательские решения»

Кудрявцев А.

Круг Безбожников / А. Кудрявцев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-645645-7

В мире, где вера в Бога определяет каждую деталь жизни, существование безбожников становится запретной темой. Главный герой, Марк Соколов, историк, начинающий исследовать древние тексты, пытается понять, что стало с давно забытыми убеждениями, которые отвергли все религии. В ходе своего исследования он наталкивается на «Круг безбожников», тайное общество, существующее на грани закона и традиций.

ISBN 978-5-00-645645-7

© Кудрявцев А.
© Издательские решения

Содержание

Вступление	6
Глава 1	9
Глава 2	15
Глава 3	24
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Круг Безбожников

Алексей Кудрявцев

© Алексей Кудрявцев, 2025

ISBN 978-5-0064-5645-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Вступление или как всё начиналось

Я неоднократно видел, как умирают люди. Но самым первым моим воспоминанием о смерти стала смерть дяди, которую, несмотря на всю её ужасность, я не мог забыть. Мне было всего восемь, когда это произошло. То утро начиналось как обычно, с привычного гудения кофемашины на кухне и гулкого смеха матери, которая называла моего дядю «большим ребенком». Я помню, как рано утром он уже ошарашенно бродил по дому, искал что-то вкусное – вероятно, остатки вчерашнего пирога. Его смех напоминал мне, каково это – чувствовать себя в безопасности, как в тёплом одеяле.

Но, как это часто бывает, доброта и искренность сочеталась с тёмной тенью его привычки – алкоголем. Я ещё не знал, что распитие спиртных напитков может вводить людей в состояние безумия, лишать их разума и уважения к себе. На тот момент дядя был просто дядей, с которым всегда интересно проводить время, когда он был в хорошем настроении. В то утро он опять выпил, и это было лишь начало.

Я не сразу заметил, что что-то не так, но, когда он решился подняться по лестнице, я почувствовал, как что-то внутри меня сжалось. Осознание было как недоброе предчувствие. Моя мама стояла на кухне, и я помню, как она вдруг замерла, увидев, что дядя, позабыв о всех её предостережениях, не просто взбирался, а падал.

Это было так быстро, что я не успел среагировать. Я лишь услышал резкий звук – будто тысячи стеклянных шариков разбились одновременно. И вот он уже валялся на полу, будто марионетка, чьи веревочки обрезали. В ту же секунду из мыслей меня вырвал дикий крик матери. Я не знал, что такое настоящая паника, но тот крик заставил меня замереть на месте, словно время остановилось.

Мама бросила всё и прибежала на лестницу, она была как одержимая. Я видел, как её лицо стало белым, как простыня, и как её тело дрожит. Я не мог понять, что творится, всё было на грани реального, как какой-то дурной сон. Взгляд матери, полный ужаса и бесконечной боли, проник в мою душу, навсегда оставив след. Я стоял, вцепившись в дверной косяк, и не смел подойти ближе.

Она преклонила колени и обхватила дядину голову, его пустое лицо с обвисшими щеками и сломленными чертами было ослепительным в своей трагичности. Моя мать пыталась привести его в сознание, но, как же она могла это сделать? Может ли прийти в себя человек, чьи мозги методично стекают из открытой раны на черепе? Нет. Я не понимал тогда всех деталей, но именно в этот момент мир для меня перевернулся, остался только шум и бесконечная тишина.

Образ дяди, лежащего на полу, стал для меня символом смерти – символом того, что жизнь может обернуться сюрреалистичной трагедией без всякого предупреждения. Его смех превратился в вечный мрак несчастья, а я, как зритель, наблюдал за этой сценой, абсолютно беспомощный.

Вдруг в комнате появился отец, его глаза были полны отвращения. Он переступил через дыню ногу, несмотря на сцену и разгулявшуюся кровь. Я помню, как он провел рукой по своей шее, подавляя тошноту. Его голос был холодным и строгим, когда он повернулся ко мне и протянул тряпку, словно это всё, что я должен был сделать.

«Убери это», – сказал он, указывая на кровь и сгустки мозгов на лестнице. Его слова были как нож, разделяющий слишком хрупкую реальность и жёсткие требования взрослой жизни. Мне было всего восемь, и я не мог ни понять, ни принять, почему он не чувствует, что сейчас происходит. Я взял тряпку, и, сворачивая её в руках, ощутил холодный пот, стекающий по спине. Каждый вдох становился всё тяжелее.

Я наклонился и начал вытирать, пока мать рыдала и умоляла дядю не умирать. Отец хладнокровно заметил, что так распорядился Бог. Его слова, произнесенные с отстранённым равнодушием, будто разорвали полотно реальности, в которое была затянута моя семья. В тот момент я не мог постичь, что такое или кто такой этот Бог. Мои детские представления о жизни были исключительно чистыми и незамутнёнными, и теперь эта огненная метка слова «Бог» бессмысленно горела в моем сознании так же, как и кровь на лестнице.

Глядя на лицо матери, я, всё ещё не осознавая всей тяжести происходящего, решил, что этот Бог, о котором говорит отец, должен быть очень жестоким, раз поступил с любимым дядей так. Мои наблюдения о религии были искажены этим моментом боли; я запомнил отрывочные разговоры взрослых о вере, о том, что Бог тронут нашими слёзами, и что Он как бы ищет наше терпение среди страданий. Я не понимал, как может быть «его воля» в этом, когда боль и страдание сплетались в одно целое, наливаясь осадком горечи и отчаяния.

Кровь не высыхала, и каждая минута создавала во мне чувство вины и безысходности. Что мог сделать восьмилетний мальчик с как бы предопределённой судьбой? Я не знал, как реагировать; мне оставалось лишь выполнять указания своего отца, не додумываясь, как это будет выглядеть глазами взрослых. Я чувствовал, что все пытались занять свои позиции в этом невидимом спектакле, где каждый из нас играл свою роль, и лишь вскоре понял, что эта неприглядная сцена – это реальность, с которой мне придётся жить.

Мать продолжала умолять дядю, её голос превращался в хриплое эхо стонов, словно из того, что осталось от самого сердца. Я отвёл взгляд от её лица, пряча собственные слёзы. Зачем? Зачем любить кого-то только для того, чтобы потерять его? Это было невыносимо, и в тот момент мне хотелось, чтобы ни у кого из нас не было этой жестокой привязанности, которая превращала нас в таких беспомощных существ. Я не мог нести на себе это бремя потери и не понимал, почему Бог позволил этому случиться.

«Он сейчас в лучшем месте», – произнес мой отец, словно стараясь утешить мать, но в его голосе звучала лишь холодная механичность, как будто он сам не верил в это. Я знал, что многие говорят так в надежде загладить свою вину. Но что значит «в лучшем месте»? Почему дядя не мог быть здесь, с нами, где мы могли бы любить его и смеяться над его странными выходками? Отец, казалось, искал объяснения в религии, в словах о загробной жизни, но мне было трудно принять идею, что любовь и память не могут просто так умирать вместе с человеком.

Каждый вздох становился тяжелым, как свинцовая гиря на груди. Я убирал кровь с лестницы, позволяя слезам застывать внутри – они были слишком молчаливы, чтобы вырваться наружу. Взгляд матери, полон разочарования и страха, казался мне невыносимым грузом. Жут-

кая потеря скрывала в себе точное движение, которым она обладала до этого момента, как будто исчезла не только жизнь дяди, но и любой свет в ее мироздании. Я больше не чувствовал себя ребёнком; я стал мучеником этой ситуации, еле удерживающимся на краю бездны.

В этот момент я начал осознавать, что в борьбе между жизнью и смертью нет законов, справедливости или бога, во имя которого это всё происходит. Отец говорил о Боге, но в его голосе было заметно отсутствие веры, в то время как я чувствовал, как эта тень колеблется меж нами, высмеивая нашу беспомощность. Мне становилось всё труднее дышать среди этого безумия, ещё больше запутываясь в вопросах, как будто в ней нет ответа.

Вот так, среди хаоса и отчаяния, я впервые столкнулся с реальностью, которая шокировала моё детское восприятие.

Глава 1

Кажется, после смерти обоих родителей я уже перестал переживать ужас потери и спокойно реагировал на эту тему, но находясь в «Круге Безбожников» ради своих исследований, я испытал животный страх. Здесь, среди людей, которые, казалось, никогда не знали тепла и близости, жизнь и смерть обретали свое истинное значение – глубоко мрачное и порой болезненное. Каждый из присутствующих нёс в себе отголоски утрат, но никто не мог сравниться с той жалостливой картиной, которую я увидел в тот вечер.

Пожилая женщина, которой на вид было не меньше шестидесяти, кричала в ужасе, что её мужа повесили у неё же дома. Её голос был наполнен дикой паникой, словно сама жизнь вырывалась из её тела. Она представлялась как Авира, что означало «Аура», но в своих кругах её называли Ирой. Чувствовалось, что это имя прочно держит в себе религиозную суть её существования. Она была подвержена мрачным ритуалам, увлечена своей верой и, казалось, считала, что именно так можно найти спасение.

Она была религиозным человеком, постоянно пела в церкви, носила платочки и падала на колени при виде икон, бьась челом о землю. В ней жила неистовая преданность, которая проявлялась в её поведении и отношении к жизни. Каждый утренний обряд был как священное событие, время, когда в её сердце возгоралась новая надежда. Она верила, что каждое её слово доносит до небес её страдания и благодарность за полученные благословения.

Авира внушала страх и уважение одновременно. Её покровы, сшитые из причастного покаяния и глубокого смирения, создавали ауру некоего мистицизма и уважения. Каждая её молитва, произнесённая с глубоким вздохом, звучала как мелодия, проникающая в самую суть человеческой природы.

Я бы никогда не подумал, что этот религиозный человек своими руками совершил тяжкое преступление, если бы не полиция, приехавшая в тот день на наше собрание. Атмосфера, когда они вошли, была пропитана удивлением и непониманием. Я сидел на задних рядах зала, обдумывая свои мысли, когда служители закона начали задавать вопросы, задавая акценты на лицах собравшихся верующих.

Авира, которая раньше выступала как олицетворение веры и смирения, оказалась в центре яркого гудения подозрений. Её поразительный контраст с тем, как она выглядела в глазах окружающих, бросался в глаза. Теперь она выглядела потерянной, её платочек на голове чуть соскользнул, оголяя седину. Никто из нас не догадывался, что в ней скрывается история, полная отчаяния и ужасных решений.

Доверяя своим церковным товарищам, она приняла решение, что искупление для её души состоит в том, чтобы положить конец страданиям и позору. На ум приходили предположения: что же она сделала?

#

Размышления становились всё более гнетущими, когда полиция раскрыла тайну – убийство мужа, который вёл грязную жизнь, поглощая мясо в Великий Пост. Я представил, как внутри неё создавалась тёмная комната, наполненная гневом, искажённым пониманием религии и нежеланием терпеть это.

Запустив целую толпу религиозников в свой дом, Авира привела их в ловушку своего безумия. В её сознании укоренялось убеждение, что она действовала ради спасения их душ. Она наблюдала, как вешают её мужа, и, параллельно читая «Отче наш», падала на колени, словно этот ритуал должен был обелить её руки.

В том моменте я увидел, как вера в божественные силы может привести человека к самым жутким решениям, молчаливой согласии с поступками, которые в обычных обстоятельствах стали бы просто невыносимыми. На лице её мужа навсегда застыло выражение ужаса и немой крик, когда, несмотря на его мольбы, Авира лишь вопила об упокоении души.

В сердце у меня собралось нежелание верить, что такая тихая, но сильная вера может свести человека с ума, сделать его способным на бесчеловечность. Как можно было так расколоть самую суть своей веры, что ты готов лишиться жизни близкого человека, полагая, что делаешь это во имя высших сил? Я оглянулся вокруг. Реакции некоторых священников и приходских сестер были похожи на автоматические: они молитвенно сводили руки и бормотали слова о милости и прощении, словно пытались защитить свою душу от реальности произошедшего. Лица их были невыразительными, и казалось, каждый из них боялся осознать, что в их святом круге обитает такая тьма. В глубине груди нарастала вражда.

Я начал понимать, как легко можно поддаться внутреннему терроризму, как меняется восприятие мира. Авира была не единственным таким существом, среди множества людей есть соблазн превратить святость в орудие насилия. Эти мысли оспаривали устоявшиеся представления о добродетели и праведности, подрывали основы, на которых были воздвигнуты мои собственные убеждения. Полиция, озвучившая эти страшные события, вела нас к мысли о том, что в мире, полном противоречий, даже самые неподсудные могут потерять свою человечность.

Я смотрел на Авире, её осунувшееся лицо, истерзанное внутренними демонстрациями, и появился вопрос, который не давал мне покоя: что делает человека праведным, когда вокруг столько тьмы? Я знал, что это лишь начало длинного пути понимания. Я почувствовал, как моя вера в логику и причинно-следственные связи начинает давать трещины.

Авиру скрутили, а она упала на колени. Седые волосы растрепались, и она в ужасе выкрикивала слова о благословении Господнем. Её руки, обнаженные и дрожащие, сжимали влажную землю, когда она, словно до последнего издыхания, пыталась сохранить свою веру. В её глазах бушевал хаос – в один миг там отражалась ярость, в другой – безграничный страх. Она не могла понять, что её собственные действия обернулись таким бурным отзвуком, совершенно противоположным тому, что она считала своим священным долгом.

– Господи, даруй мне прощение! – кричала она, и её голос звучал как страстный крик о помощи, пронизывая атмосферу, подавляющую всех вокруг.

Полицейские переглядывались, недоумевающе качая головами, а я ощущал, как внутренние противоречия накаляются, словно расплавленное железо.

Зрелище этого падения погружало меня в свой внутренний мир. Я наблюдал за реакцией толпы, осознавая, что их шептания и перешептывания создают собственный ритуал противостояния, ещё не осознавая, что каждый из нас в этот момент был на грани. Взгляд людей полон

образов, быстрых оценок и, возможно, прощальных надежд. Я чувствовал, что с надвигающимся ураганом каждая жизнь, каждое решение имеет вес, который трудно вынести.

Авира продолжала молить:

– Не оставь меня, Господи! Я вновь к Тебе обращаюсь, спаси меня от этого греха! – в её словах звучало нечто большее, чем просто страх – это был крик о надежде, о понимании, что между прошлым и будущим, между искуплением и предательством существует хрупкая нить.

И вот, в этот самый момент, когда Авира, сидя на земле, пыталась найти божественное присутствие, я задавался вопросом, что такое искупление и где место для него в нашем всеобъемлющем отчаянии?

Возможно, это будет долгий и мучительный процесс, но я понимал, что даже столкновение с самой тьмой может принести свет. Искать ответ на эти вопросы было не только желанием понять её, но и стремлением разобраться в себе.

Авира, упавшая на колени, была не только преступницей, но и символом непростительных ошибок, и в этом принятии её образа я искал ремесло справедливости, пересекающее границы веры и безбожия, чтобы установить свою собственную истину. Это было моё время учиться – не только толкать вопросы, но и искать ответы во всех их многогранностях.

Тут, когда я, погруженный в свои мысли, перевёл взгляд на лицо женщины, Авира вперилась мне в глаза и внезапно закричала, словно обращаясь ко мне:

– Господь, избави меня от греха всеобъемлющего!!!

Я отступил назад, наступая кому-то на ногу и тут же бегло извиняясь. Ира же не отводила с меня взгляда, продолжая кричать о своём грехе и мольбе искупить его.

– Что Вы...? – вырвалось из моих губ, а ежедневник в руках я сжал удобнее.

– Почему ты не спасаешь меня?

Я был практически уверен в том, что в этот момент Бога она увидела во мне. Полиция, наконец, подняла её и понесла к машине. Я продолжал стоять и смотреть ей вслед, ощущая, как по спине стекает холодный пот. Ощущение времени вокруг замедлилось, как будто сам мир остановился, чтобы зафиксировать этот момент её падения. Она уже не кричала, и её лицо стало бледным, отражая скорбь, которую нельзя было выразить словами.

– Загребли старушку, – слышал я разговоры рядом с собой.

– Думаешь, Сань? Ты видел, как она впала в безумие? Если и попадёт куда, то в психушку, – второй голос звучал не безразлично, но безжалостно, как будто этот разговор был привычным и обыденным.

– Туда ей и дорога, – вмешался третий голос, – Я давно думал, что есть в ней что-то нездоровое.

Я остался стоять, наблюдая, как Авире увозят, и, глядя на уезжающую машину, чувствовал, что эта сцена больше не закончится. Её крики останутся со мной, будут повторяться в кошмарах и всплывать в воспоминаниях. Я понимал, что эта женщина не только оказалась жертвой своих собственных страстей, но и опередила меня по пути к пробуждению. Не имея возможности найти облегчение, я осознал, что это не единственное, что происходит вокруг.

Я не мог сказать, какая доля вины лежит на самой Авире, её убеждениях или божественном провидении, но одно было мне ясно: страх перед истинной сущностью смертного страха, перед тем, что здесь нет простых решений, забирал меня в свой вихрь. И, может быть, Авире, вопрошая Бога в своих криках, искала не только спасение, но и способ открыть истинное значение этой тьмы.

– Марк, а Бога-то она в тебе увидела, – рассмеялся мой лучший друг, Александр, подходя поближе. Его слова врезались в меня, но я не знал, как на это реагировать.

Я перевёл на него немигающий взгляд, пытаюсь понять, шутит он или говорит всерьёз.

– А? – переспросил нелепо я, как будто не мог поверить в происходящее.

– Чем-то ты в душу старушке запал, – он хлопнул меня по плечу, но в этом жесте не чувствовалось особой поддержки, скорее, это было как насмешка над ситуацией, которую он не вполне понимал.

– Брось, я просто стоял рядом, – попытался я оправдаться, хотя в глубине души понимая, что слова Авире, обращенные ко мне, всё равно остались со мной, словно ниточка, связывающая нас вне времени и пространства.

Александр усмехнулся и скрестил руки на груди:

– Не бери в голову, просто свихнувшаяся религиозная фанатка. В таких местах всегда найдутся такие экземпляры.

Я невесело улыбнулся и потёр переносицу, словно пытаюсь разогнать назойливую мысль. Слова моего друга, хотя и произнесенные с сарказмом, вызвали во мне внутреннюю бурю. Я не мог просто отмахнуться от этого; в той экстраординарной волне, которую вызвала Авире, ощущалось нечто большее, чем просто безумие или принадлежность к заблуждению.

– Ты знаешь, – начал я, не в силах сдержать свои размышления. – За всем этим стоит человеческая трагедия. Да, может, она и была фанаткой, но её страх и отчаяние были реальны. И, возможно, она не свихнулась на самом деле, а просто искала выход из запутавшейся ситуации.

– Ты так говоришь, будто знаешь её, – ответил Александр, его улыбка исчезла, уступая место недоумению. – Мы её не знаем! Мы видим только внешние проявления. Она жертва своего собственного выбора.

– Да, возможно, – согласился я, но внутри что-то колебалось. – Но представь себе, что бы ты почувствовал, если бы оказал такое же давление на свои убеждения, как она...

– Хочешь курить? – перебил меня Александр, – Слишком много думаешь.

Я недоуменно посмотрел на него, не понимая, о чем ему еще говорить. Он достал сигареты из кармана и поднёс одну к губам, а затем закурил, вдыхая дым с безразличием к тому, о чем мы только что говорили.

– Ну, не знаю... – промямлил я. – Я не привык решать свои проблемы с помощью табака.

– Не прячься, просто дай себе немного расслабиться, – сказал он, выдыхая облако дыма. – Иногда надо просто взять паузу. Всё, что ты говорил, – это важно, но некоторые вещи не поддаются объяснению. Люди такие, какие есть, и мир все равно продолжает двигаться.

Я посмотрел на него. Он был одним из тех людей, кто не тратил свои силы на обсуждение непростых тем, предпочитая делать вид, что они просто не существуют. И, может быть, в этом была своя правда.

– Может, ты и прав, – наконец признал я, хотя внутренний голос продолжал протестовать. – Но бывает, что эти «некоторые вещи» требуют нашего внимания, если мы хотим не потеряться в общей мракобесии.

– Последний раз предлагаю сигарету, – усмехнулся Александр.

Я немного поколебался, но потом покачал головой:

– Не, пас. Нужно прояснить мысли, а не запутывать их никотином.

– Ты все еще пытаешься вникнуть в философию, – смеялся он. – Так что лучше, чем сидеть и беспокоиться о том, что было, просто жить дальше. Работай, развлекайся, думай о себе, а не о том, что не в твоих руках. Это лишь отнимает силы.

Я смотрел на него и чувствовал, как его слова, хотя и звучали легкомысленно, задевают что-то внутри. Может, он и прав, но как же трудно оставить в стороне вопрос этой женщины. Кажется, в моей жизни всё так сильно переплелось, что одно совершенно незнакомое событие заставило меня задуматься о вещах, о которых раньше не думал.

– Ты, похоже, не понимаешь, о чем я, – сказал я с нажимом. – Не просто о себе, а о людях. О том, как их истории переплетаются с нашими. Я не могу просто так оставить её на произвол судьбы.

Александр в знак удивления поднял брови, словно увидел во мне что-то новое. Он кивнул и немного серьезнее произнёс:

– Ну, если ты так настроен, тогда, может, стоит что-то сделать? Зачем сидеть и ждать? Ты же сам можешь что-то изменить.

– Я могу попробовать поговорить с кем-нибудь из её знакомых, – выпалил я, прокладывая в голове маловероятный сценарий. – Узнать, как вообще у неё дела были...

Александр посмотрел на меня с одобрением:

– Вот это уже начало! Хватит мучить себя этими вечными размышлениями. Пока ты обращаешь внимание на её «грехи», у себя в кармане можешь найти надежду для её искупления.

Я почувствовал, что, возможно, этот разговор не был напрасным, а стал первым шагом к действию. Тяжесть в душе вдруг исчезла, уступая место надежде. И даже если это просто наивная мечта, холодные шорохи тревог и сомнений вдруг начали уменьшаться, словно утаскиваемые потоками уверенности.

Собравшись с мыслями, я прямо сказал:

– Ладно, давай сделаем так. Я попробую выяснить, где её найти, а ты присоединишься ко мне, как поддержка?

Александр поразмыслил и с улыбкой кивнул:

– Ага, можно и так. Но учти, я не собираюсь участвовать в твоём жизненном спектакле. Просто поддержу, если нужно. А сам я вернусь к своим привычным радостям.

Я не мог не рассмеяться, его беззаботный подход действительно радовал. С удивлением осознал, что в свете всей этой истории завязалась непривычная простота. *Настало время действовать.*

Глава 2

Часы методично отбивали назойливый ритм секундной стрелкой. Четверть часа оставалась до десяти вечера, а мои поиски родственников и знакомых Авиры всё ещё ни к чему не привели. Всё, что удалось выяснить мне, женщину звали Ираида Степановна Золотовец, родом она из Минска, но в Москву переехала ещё в молодости. Училась она на повара-кондитера, но быстро бросила это дело и занялась получением педагогического образования. С этим, конечно, тоже возникли сложности, но она закончила колледж далеко не с красным дипломом.

По фамилии Золотовец в поисковике выскочило всего четыре совпадения и ни одна из них не была Авирой, которую я искал.

– Есть результаты? – звеня стаканами спросил Александр.

Я отрицательно покачал головой, даже не обращая внимания на товарища. Александр с двумя стаканами газировки подошёл ко мне и протянул один из них.

– Ты точно её пробил? – спросил он, наблюдая, как я пью напиток.

– Да. Ни одного родственника. Да и её в социальных сетях нет, – хмуро подметил я, вытирая губы.

– Мужа её пробей, – рассмеялся Александр, выпивая свою газировку залпом.

Я отреагировал хмурым взглядом, полным осуждения.

– А ничего, что она его убила? – бросил я с сарказмом. Внутри смешивались тревога и растерянность – у нас обоих явно было разное восприятие происходящего.

Александр наклонил голову и сдержал усмешку:

– Ну, страничку-то она не убивала. Но ты прав, глупо шутить об этом. Чего мы вообще будем искать, если сам факт её судьбы звучит уж слишком запутано?

Я коротко вздохнул, понимая, что, возможно, моя реакция была слишком резкой. Смерть, даже если она была насильственной, несла в себе больше вопросов, чем ответов – и эти вопросы мучили меня, уводя всё дальше от реальности.

– Ладно, хорошо, – продолжил Александр, стараясь изменить тон. – Давай попробуем взглянуть на что-то более позитивное. Может, знакомых на работе её поискать? Учителей, друзей?

Меня словно обдало свежим воздухом, и в этом мгновении я почувствовал, как мне, наконец, становится легче. Глядя на экран, я вспомнил о дипломных работах и о том, сколько преподавателей могли знать её за эти годы.

– Да, это тоже идея, – согласно кивнул я, переходя к новой странице поиска. – Есть и коллеги, и однокурсники. Надо проверить, есть ли у неё знакомые, которые могут что-то рассказать.

Александр, кажется, обрадовался, увидев, что я вновь увлёкся идеей поисков.

– Верно! Мы ещё найдём кого-то. У неё должно быть какое-то прошлое, а если есть прошлое, значит, есть и кем-то или чем-то связанное. Даже какие-то старые воспоминания могут нам помочь.

– Угу, – негромко согласился я.

– А меня пробей, – со смехом в голосе произнёс Александр, – Давай, давай... Александр Павлович Первомайский...

– Ты же не Первомайский...

– А желал бы быть таким, – всплеснул руками тот, садясь на стул рядом.

– Напомни, зачем я тебя к себе позвал? – хмуро пробормотал я.

– Чтобы я не позволил тебе слишком погружаться в это болото размышлений! – парировал он. – Человек не должен терять связь с реальностью. И вот, пожалуйста, смотри – а в это время на земле живут люди, которые могут нам помочь! Например, вот тот же Геннадий...

Я перевёл взгляд на экран, где белели строки группы, и начал снова перебирать информацию.

– Да, ты прав. Наверняка кто-то из тех, кто учился с ней, хоть немного её запомнил или слышал, вот и всё. И уже сам процесс поиска может быть интересен, – отозвался я.

Александр потянулся к своему телефону и похлопал меня по плечу:

– Давай, спрашивай, уже пора действовать. Это должно быть весело! Чуешь, как адреналин бежит по венам?

– Не чую, – покачал головой я, – Дело серьёзное.

Александр заметил, что я стал более сосредоточенным, и его настроение немного изменилось. Он присел ближе, скрестив руки на груди, как будто готовясь поддержать меня в серьёзном разговоре.

– У Геннадия открыта страничка и есть номер телефона, – я задумчиво взглянул на экран в который раз.

– Звони. Просто звони.

Я посмотрел на номер, написанный на экране, и в момент нерешительности почувствовал, как в груди всё заклокотало. Этот шаг был не просто одним из многих; это могло стать

началом чего-то важного. Я сделал глубокий вдох, ощущая, как волнение постепенно уходит, и с нажимом на «Вызов» всё-таки решился.

Звонок пошёл. Я слушал короткие гудки, и в голове вертелись мысли, что скажу, как представлюсь. На секунду я даже закрыл глаза, словно это поможет мне сосредоточиться.

Прошло несколько мгновений, и, наконец, в трубке раздался голос:

– Алло?

– Здравствуйте, Геннадий, меня зовут Марк Соколов, – начал я, чувствуя, как мой голос сначала дрогнул, но затем стал более уверенным. – Я ищу информацию об Ираиде Степановне Золотовец. Вы были её однокурсником, верно?

– Да, действительно, мы учились вместе, – ответил он с недоумением. Я понял, что этот вопрос мог вызвать у него неожиданную реакцию, но не знал, как бы сказать помягче.

– Я хотел бы узнать о ней немного больше, – сказал я, стараясь следовать закону прямоты, – Возможно, вы сможете подсказать, как можно найти её родственников или рассказать что-то о том времени, когда Вы были знакомы?

– А зачем Вам это нужно? – подозрительно спросил Геннадий.

– Я...

В голове всё смешалось и перепуталось, я не знал даже как дать ответ на этот вопрос. Александр выхватил у меня телефон, перейдя на громкую связь.

– Добрый день, Геннадий. Меня зовут Александр Подольский, я вместе с Марком веду поиски Ираиды с целью разобраться, почему она убила своего мужа и сильно ли это было связано с религией.

На том конце раздалась тишина.

– Сделала что..?

– Мы знаем о произошедшем совсем мало, поэтому можем сказать лишь, что её за это арестовали, – продолжил Александр, не обращая внимания на растерянность собеседника. – Но мы хотим понять, что случилось. Расскажите, пожалуйста, о её жизни, о том, что произошло в прошлом.

– Помню, что она на последнем курсе всё хотела провести эксперимент и проверить теорию Раскольникова.

– Из «Преступления и Наказания», что ли? – усмехнулся Александр.

– Нет, чёрт тебя возьми, из «Мастера и Маргариты», – одними губами произнёс я, несколько раздражаясь.

Геннадий, к счастью, не обратил на это внимания.

– Да, в точности, – сказал он, чуть смягчившись. – Она была одержима этой идеей. Долго обсуждала её с нами, как будто искала пути подтверждения своей теории. Говорила, что хочет понять, как далеко можно зайти ради высшей цели. И ещё всё хотела узнать, как отреагирует на эту теорию Бог.

– Ну уж точно не реакцию на YouTube запишет, – фыркнул Александр и получил от меня пинок по ногам.

– Не знаю, что он на это скажет, но Ираида была действительно увлечена, – продолжил Геннадий. – Она искала ответы на свои внутренние вопросы, нужно было что-то большее, чем просто философия. Я беспокоился о ней – иногда ей казалось, что она на грани.

– На грани чего? – спросил я, чувствуя, что детали становятся всё более интересными.

– Она говорила о том, что её мучает совесть, что она не может найти свой путь. Последнюю неделю перед окончанием курса, кажется, была особенно напряженной. Я думал, что она просто переживает – финал, работа, но... что-то было не так, – Геннадий слегка вздохнул, как будто его собственные воспоминания его угнетали.

– Вы знаете кого-то, кто был близок к ней?

– Сын, – произнёс Геннадий и тут же добавил, – Ну, до момента, пока не погиб.

Александр разразился смехом от абсурда ситуации, а я помрачнел.

– Всё зашло в тупик. Ужасно.

– Да, это действительно было ужасно. Несчастный случай, – ответил он, зная, что его объяснение не сможет сгладить какую-либо напряженность. – Сын Ираиды погиб в автокатастрофе около десяти лет назад. Она так и не смогла с этим справиться. В то время она переживала тяжёлый период, и её душевное состояние ухудшалось.

Александр и я переглянулись, осознавая, что каждая деталь могла иметь огромное значение. Внутри меня что-то сжалось. Сын был не только потерей, но и источником всей той боли, которая под толстыми слоями её разумного и эмоционального фундамента, возможно, придала ей импульс делать что-то безумное.

– Какая ужасная трагедия, – произнёс я. – Но как это связано с её последующими действиями?

– Я не знаю, – признался Геннадий, – но, вероятно, это оставило глубокий след в её жизни. Я видел, как она изменилась, как будто блужданием пыталась справиться с потерей.

Возможно, это и было тем, что толкнуло её за грань...

– После его смерти она была не в себе, – продолжал он. – Ушло время, прежде чем она даже могла об этом говорить. Разговоры о Боге и совести, – они, видимо, были вызваны ею стремлением к искуплению.

Александр нахмурился.

– Значит, это могла быть не просто ностальгия или депрессия, а востребованность в понимании её роли в этой ситуации.

Геннадий угукнул, но это явно указывало на отсутствие уверенности.

– Возможно. Я не знаю, как она могла справиться с таким горем. Но, по всей видимости, она негодовала на себя. – он помолчал. – Я не знаю, как это обозначать, но вся её жизнь превратилась в поиск смысла; в этом смысле она утратила не только себя, но и понимание, как действовать в реальности.

Теперь нас ожидал новый вопрос: как все эти подробности соединились в одну общую картину? Кажется, всё лишь запутывало тот клубок, в который накрутилось её сознание, и выпутаться было всё сложнее.

– Нам нужно больше узнать о её сыне, – сказал я, решая, что этот аспект ситуации требует внимания. – Это может привести нас к пониманию её настоящих чувств.

– Абсолютно, – кивнул Александр. – И, возможно, это даст нам возможность взглянуть на её действия с другой стороны.

– Я Вам тут не помогу. Но могу дать номер Тани, её подруги до этой трагедии.

– Давайте, – охотно согласился я.

– Я пришлю Вам в смс?

Александр в то время встал со стула, направляясь за газировкой.

– Да, конечно, – сказал я Геннадию. – Буду ждать.

Он на мгновение задумался, замолчав, а затем ответил.

– Готово. Отправил.

– Спасибо вам, Геннадий, – сказал я. – Мы постараемся разобраться в этой сложной ситуации.

Александр вернулся с двумя бутылками газировки и сел обратно за стол.

– Ничего нового? – спросил он, поднимая одну из бутылок в воздух.

– Геннадий прислал номер Тани, – ответил я, открывая сообщение на телефоне. – Надеюсь, она сможет что-то рассказать и пролить свет на события, которые происходили до трагедии.

– Отлично, – сказал Александр, ставя свою газировку на стол. – Как только получим информацию от Тани, сможем действовать дальше.

Я взглянул на экран телефона, и мои мысли перевели в режим ожидания. Теперь нам оставалось лишь дожидаться ответа от этой таинственной подруги Ираиды, которая могла раскрыть нам ещё больше о том, что происходило в её жизни. Александр выпил немного газировки и, размышляя, перешёл к другой теме:

– Знаешь, это всё напоминает мне сложную головоломку. Каждый фрагмент – это кусочек истории, который нам нужно правильно соединить.

– И что же произойдёт, когда мы наконец всё соберём? – спросил я, всё ещё размышляя об Ираиде.

– Не знаю, но мне от газировки уже блевать охота. – отрезал Александр, подавая мне пустую бутылку.

Я не мог не усмехнуться. Кажется, он действительно устал от сегодняшних разговоров и напряжения.

– Может, нам стоит сменить тему? – предложил я, положив руку на стол. – Не о газировке же нам сейчас думать.

– Да, сменить точно не повредит, – согласился он, вытирая рот тыльной стороной ладони. – Всё это происходит словно в тумане. И с каждым новым вопросом мы погружаемся всё глубже.

– Возможно, нам стоит взять перерыв, – сказал я. – Прогуляться на свежем воздухе, подумать и в конце концов настроиться на позитив.

Александр потёр свой правый бок.

– Предлагаю завтра заняться всем этим на улице, а не у тебя.

– Согласен, – кивнул я.

Мой телефон снова завибрировал.

– Вот это неожиданный поворот событий, – сказал я, заглядывая в экран. Входящее сообщение от Геннадия.

– Что там? – подал голос Александр, настороженно переглядываясь со мной.

– «Я вспомнил, сына Ираиды звали Юрий.», – прочитал я, – Нам это, конечно ничего не дало, но я его благодарю.

– У меня отца звали Юрий, – пробормотал друг.

– Так ты же Павлович, – подметил мягко я.

Александр несколько помрачнел.

– Родного отца звали Юрий, а вот отчима Павел, поэтому и отчество такое.

Я почувствовал, как между нами повисла неловкая пауза. Не хотел заставлять его чувствовать себя некомфортно, но интуитивно понимал, что этот разговор мог его задеть.

– Извини, – произнёс я, немного смущённо. – Я не знал...

– Ничего, – ответил он с лёгкой усмешкой, но в его глазах всё ещё читалась тень грусти. – У меня так ещё кота звали.

– У меня Юрием учитель был. По физкультуре, – добавил быстро я.

– Юрий – это, похоже, универсальное имя, – сказал он, – И для котов, и для отцов, и для собак.

– Каких собак?

– Не знаю, – пожал плечами Александр.

– И еще для сектантов, – улыбнулся уголками губ я, – Нашего «главного» Юрием зовут.

Александр расплылся в широкой улыбке.

– Вот это действительно важное открытие! – воскликнул он. – Вся философия человечества заключена в имени Юрий.

– Не забывай, что так ещё звали сына Ираиды.

– Да, – произнёс Александр чуть серьёзнее, это имя стало символом. Одно сообщение о нём вызвало такую бурю эмоций.

– Все наши воспоминания, – отозвался я, – как будто воссоздают его образ. Это прямо как в фильме или книге, где персонажи приходят к каким-то неожиданным истинам, связывая различные ниточки своего прошлого.

– Странно, как одно имя может так многое значить, – задумался Александр. Молчание снова окутало нас, но на этот раз оно было полным понимания.

– В конечном счёте, мы должны рассмотреть всё, что связано с ним, – тихо произнёс я.

– Можем ли мы это как-то использовать, чтобы понять Ираиду и её жизнь?

Александр кивнул, чётко осознавая всю глубину вопроса. Теперь разговор о Юрии сосредоточился не только на шутках, но и на понимании, что он остаётся неразрывной частью истории Ираиды. Искаженные линии судьбы, образованные этим именем, словно тянулись в нашем сознании, формируя коллаж воспоминаний, который мы лишь начинали распутывать.

– Может, сходить к Юрику? – усмехнулся Александр.

– На кладбище? – вскинул брови я, не сразу понимая, к чему он клонит.

– Не, я про главного, – отмахнулся тот. – Он же знает людей, которых сам подобрал. У него связи.

Я задумался, понимая, что это действительно неплохая идея. Юрий, о котором говорил Александр, обладал талантами, о которых ходило множество слухов – умение находить людей, раскрывать их истории.

– Да, он мог бы нам помочь, – согласился я. – Если кто-то в этом городе знает, как докопаться до правды, так это точно он.

– Или до лжи, он же сектант.

– Запомни – главные сектанты никогда не верят в то, что проповедуют, – серьёзно произнёс я.

Это утверждение повисло в воздухе, как звоночек к размышлениям. Мы оба понимали, что в мире, где правда и ложь часто переплетаются, многие могут играть свою роль в зависимости от ситуации. Этот Юрий мог быть как проводником, так и лавиной манипуляций.

– И всё же, какой бы ни была его мотивация, – продолжал я, – его связи могут сподвигнуть нас к чему-то важному. Наша задача – собрать информацию и не попасться в ловушку его игр.

Александр кивнул, его выражение лица стало более сосредоточенным.

– К нему надо как к стоматологу, за год записываться чтобы попасть.

– Завтра поймем его на рабочем месте, во время лекции.

– Лекция, говоришь? Так он всё-таки не спит на семинарах? Может, сможем задать ему пару вопросов перед началом.

– Да, возможно. Если быть осторожными, сможем всё спланировать так, чтобы его не напугать, – ответил я. – Лекции – это его стихия, он будет в своей тарелке.

Александр кивнул, размышляя о том, как лучше насчет нашей небольшой стратегии.

– А что, если он будет не в настроении общаться? – спросил Александр, озабоченно хмурия брови.

– Тогда мы просто напомним ему о его неотложных делах, – ухмыльнулся я. – Или просто катастрофически устанем от его философии. В конце концов, мы можем предложить ему обсуждение... о Боге, если потребуется...

Александр страдальчески закатил глаза.

– Боже, только не Бог.

– А я люблю о Боге говорить, – пожал плечами я. – У него, как правило, много интересных мыслей на эту тему, особенно когда дело касается человеческой природы.

– Человеческая природа, говоришь? – усмехнулся он, чуть наклонив голову. – Наверняка, у него есть свой уникальный взгляд на то, как мы все заблуждаемся и ведём себя, как стадо овец.

– Верно, но иногда это может дать толчок к интересным размышлениям. Нам нужно нарисовать картину, а взгляд с его стороны может добавить цвета, – ответил я, устанавливая режим философского размышления.

Александр посмотрел на меня, затем в окно, на небо.

– Ладно, только давай не забывать, зачем мы пришли. Нам нужно получить информацию о Ираиде и её сыне, а не заводить разговор об экзистенциальных вопросах, – сказал он, снова с серьёзным выражением лица.

– Согласен. Но такие разговоры могут раскрыть больше, чем мы думаем. Возможно, даже Юрий, как человек, который проповедует, что-то знает о её жизни, о связи с её прошлым, – заметил я, понимая важность каждой детали.

Впереди был новый день с новыми возможностями – исследовать, открывать, задавать вопросы. Двадцать четыре часа, прежде чем мы столкнёмся с Юрием, казались бесконечными, но я был полон решимости провести это время с пользой.

– На всякий случай, принесу ему что-нибудь из своих философских книг. Может, какая-то из них станет началом разговора, – предложил я, и мы оба вновь рассмеялись, предвкушая завтрашнее испытание.

Глава 3

Лёг спать я далеко за полночь: возился с книгами, разбираясь в который раз, какую из многочисленных философских книг можно принести завтра на лекцию к этому Юрию. Должен же я как-то завязать диалог, а то Александр со своей торопливостью дело до конца не доведёт. Нет, конечно, до конца он дело доведет, только не до победного, а до провального.

В этот раз мне попался томик Зигмунда Фрейда. Помнится, мой отец постоянно читал его и утверждал, что это и есть истина в последней инстанции. Его слова, полные уверенности, звучали в моей голове, как эхо. Я открыл книгу, унюхал запах старых страниц, будто они хранили в себе память поколений.

Фрейд большую часть своего труда посвятил бессознательному, и мне вдруг показалось, что его идеи могут стать важной нитью в разговоре с Юрием.

«Как же много в нас скрыто, – думал я, рассматривая текст. – Много из того, что мы думаем, поступков и даже верований, мы не осознаём».

Может быть, именно эта мысль поможет нам понять мотивацию Авиры? Из-за окна доносились звуки города – шум машин, отдалённые разговоры. Я потянулся за ручкой и начал делать заметки, планируя свой подход.

Важно было понять, какой лучший способ вовлечь Юрия в диалог, не дать ему уйти в свои философские дебри, а сразу коснуться сути. Среди заметок о бессознательном мелькнула другая мысль: «Какой смысл в вере, если она основана на страхе и манипуляциях?», Авира, следуя за убеждениями Юрия, возможно, была этим страхом объединена вместе с остальными членами этого Круга Безбожников.

Убить своего мужа ради религии.

Эта фраза не покидала мой разум. Какова же была её истинная мотивация? Я отложил книгу, повернулся на бок и попытался уснуть, но мысли продолжали кружить в голове, как листва на осеннем ветру. Пусть за окном царит тишина, в моём сознании разразилась буря. Связи, факты, мозаика жизни, её выборы и поступки – и всё это стало частью одной большой загадки.

Проснулся я от телефонного звонка, отлично сыгравшего роль будильника. Я встревоженно поднёс телефон к уху, всё не отрывая голову от подушки.

– Марч, Марч, Марч, – тараторил звонко Александр, – Ты проспал? Ты не поел? Я куплю тебе шаурму?

– Шаверму, – мягко поправил его я, зевая и потирая глаза, пытаюсь взять себя в руки.

– Значит, не куплю, – мрачно отозвался он, и я чуть не засмеялся. Я знал, что его ироничный тон скрывает истинную заботу о моём самочувствии.

– Ладно, не сердись! – сказал я, стараясь поднять себе и ему настроение. – Я всего лишь не привык к столь ранним звонкам. Сколько времени?

– Половина девятого! – его голос звучал как выстрел, и я мгновенно почувствовал прилив адреналина. – Лекция начинается в десять! Вставай, одевайся, я за тобой заеду через полчаса!

С мыслью о том, что время поджигает, я вскочил с постели и, не обращая внимания на разбросанные книги, устремился в ванную. Мысли о Фрейде и Авире напоминали о себе, обостряя чувство срочности. Это была не просто лекция – это было что-то, что могло изменить наше понимание этой запутанной истории.

После душа я быстро сделал себе кофе, его вкус взбудрил и помог сосредоточиться. Учтивая суматошное утро, мне уже казалось, что вся атмосфера вокруг наполнена напряжением, притаившимся ожиданием. Очень скоро я услышал звук машины, подъезжающей к дому.

Оторвавшись от размышлений о том, что надеть, я схватил уже готовую сумку с Фрейдом и выбежал в прихожую. Александр, с постоянно намеченной озорной улыбкой, выглядел так, словно он успел обойти весь город вечером перед этим.

– Я купил тебе поесть. И газировку.

– Тебя вчера от неё тошнило, – с улыбкой заметил я.

– Слушай, это было вчера, – отмахнулся Александр, будто споры о газировке также устарели, как и сами прошлые дела. – Сегодня совершенно другое утро!

Я не успел ответить, как он открыл контейнер и начал демонстрировать содержимое, словно показывая шедевр искусства. Внутри оказались два аппетитных ролла.

– Вот, это точно тебе понравится! – воскликнул он, с гордостью указывая на еду. – Никакого лука, только свежие овощи и курица.

Пока я искал подходящие слова, на меня нахлынули мысли о том, что нас ждёт. Мы знали: этот день – не просто очередной рутинный момент, а шаг в направлении разгадки сложной истории с Авирой. Я сказал себе, что стоит озадачить своего друга тем, что мысли о философии и искусстве могут быть не менее важными, чем простые потребности тела.

– Ладно, – решил я, беря один из роллов. – Раз ты так настаиваешь, я не могу не согласиться.

Мы быстро перекусили, и я почувствовал, как энергия начала наполнять моё тело, помогая пробудить мысли. Время шло, и уже через несколько минут мы были готовы покинуть квартиру. Я захватил свои записи и снова увидел томик Фрейда – он всё ещё оставался ключевым элементом нашего сегодняшнего разговора.

Ехали до здания мы молча: Александр слушал музыку по радио, а я элементарно думал. Юрий параллельно с сектантской деятельностью был профессором МГУ и нередко вёл открытые лекции для всех, кто только хотел. Конечно, на этих лекциях вся эта секта собиралась как на очередную сходку.

От этого факта меня немного подкашивало. Несмотря на свою академическую репутацию, Юрий не оставлял открытым вопрос о своём влиянии на умы своих последователей. Как относился он к своим ученикам? Стоило ли ему открывать горизонты знаний или же запутывать их в своих идеях? Неужели за знаниями скрывались манипуляции, которые вели к растяжению границ между мышлением и верой?

Александр, заметив, что я погружён в свои мысли, внезапно переключил радио на более быструю композицию. Музыка заполнила салон машины, и мне на мгновение удалось отвлечься. Но вскоре её ритм всё равно оказался слишком неважным по сравнению с тем, что нас ждало впереди.

– Ты готов? – спросил он, глядя на меня с прищуром.

– Непонятно, как к этому готовиться, когда у тебя в кармане такая сложная тема, – ответил я, отдохнув в разуме. – Но готов делать всё, чтобы получить ответы. Авира... её ситуация должна была чего-то научить нас.

– Тому, что нельзя убивать своих мужей, а то менты загребут, – рассмеялся Александр.

– Да, ты прав, – кивнул я, думаю о том, как мрачные реалии порой оправдывают даже самые бескомпромиссные шутки. – Но я надеюсь, что дело не дойдёт до такой крайности. Мы просто должны понять, что движет людьми в их поступках.

Собравшись с мыслями, мы подошли к входу в университет. Я чувствовал, как адреналин растёт внутри. Лекция Юрия всегда привлекала множество людей – не только его последователей, но и просто любопытных студентов, ищущих ответы на философские или жизненные вопросы.

Чем ближе мы подходили к аудитории, тем сильнее я ощущал, что это не просто встреча с профессором. Это было что-то глубже, что требовало от нас ответственности, умения разбираться в сложностях бытия и искать корни человеческого поведения.

Мы опоздали буквально на пару минут, а потому успели без проблем проскользнуть на свободные места поближе к лектору.

Юрий, кажется, нас заметил сразу. Он был весьма привлекательным для большинства девушек: высокий, статный, с резкими чертами лица и выразительными черными глазами, которые прожигали тебя насквозь в моменты зрительного контакта.

Его уверенность летала вокруг, словно невидимый шарм, заставляя студентов воодушевляться не только его словами, но и самой атмосферой, которую он создавал.

– Рад видеть вас, – проговорил Юрий, его голос звучал спокойно и уверенно. – Сегодня мы поговорим о том, что стоит за пределами обыденного восприятия. О том, как наши внутренние страхи и желания формируют нашу реальность.

На щеке у него был неглубокий шрам, но он никогда про него не рассказывал – его личное дело. Я часто думал о том, как такие мелкие детали могут не только привлекать, но и отталки-

вать. Это был своего рода символ, который мог говорить о пережитом, но оставался в стороне от его лекций. Лет десять назад он мог поразить многих, но сегодня этот шрам был скорее частью его образа; правильный ход к пониманию его самой сути.

Юрий продолжал объяснять, как внутренние конфликты могут оказывать влияние на поведение и восприятие мира. Он обрисовывал художественные примеры из литературы, фольклора и психологии, оживляя каждое слово. Я слушал, поражаясь, насколько его лекции не только информативны, но и способны вызвать у слушателей глубокие размышления.

– Страх – это мощное оружие, – продолжал Юрий, уверенно смотря в глаза старшекурсникам и новичкам, сидящим перед ним. – Он может как парализовать нас, так и вдохновлять на подвиги. Важно понять, что страхи – это не враги, а учителя. Они дают нам ключи к тому, чтобы открыть запертые двери нашего внутреннего мира.

Я почувствовал, как меня переполняла готовность задать вопросы. Столько всего, что хотелось выразить! Эти идеи перекликались с тем, о чём думала Авира, её внутренними борьбами, страхами и желаниями. Но я понимал – сейчас не время вставлять свои идеи; важно слушать.

Занятие шло своим чередом. Юрий, словно ловя волну, плавно подводил аудиторию к важному вопросу о том, как наши внутренние конфликты могут проявляться в отношениях с другими людьми. Он приводил примеры из реальной жизни, делая их доступными, и я понимал, что на таких примерах многие смогут увидеть и себя.

Когда он наконец вывел к теме группы и сообществ, в которые вкладом стали страхи и желания, я почувствовал, как в моём сердце забилося что-то.

Мы двигались к тому, что могло вскрыть образ Авиры и её взаимодействия с сектою, к которой она принадлежала. Скоро я подниму руку и задам свой вопрос. И вот, когда настало время свободной дискуссии, я собрал все свои мысли и вдохнул глубоко, готовясь сделать шаг вперед, чтобы понять больше о том, как эта лекция, на первый взгляд, могла пробиться к ответам, которые искал.

– Прошу прощения, могу ли я задать вопрос? – начал громко я, поднимая руку вверх.

– Да, конечно, – отозвался Юрий, поправляя свои гладкие чёрные волосы, элегантно уложенные назад.

Его взгляд быстро переместился на меня, и в этот момент вся аудитория замерла в ожидании. Я почувствовал, как все взгляды устремлены на меня, и волнение заполнило пространство вокруг. Каждое мгновение, прежде чем я начал говорить, казалось вечностью.

– Ваша тема о страхах и желаниях... – начал я, стараясь не расплескать слишком много волнения в моем голосе. – Как вы думаете, могут ли эти внутренние конфликты влиять на то, как люди воспринимают руководителей или группы, особенно когда речь идет о закрытых сообществах?

Юрий внимательно посмотрел на меня, и в его глазах я уловил искорку интереса.

– Замечательный вопрос, – произнес он с энтузиазмом, что меня слегка удивило. – Действительно, наши внутренние страхи и желания могут влиять на то, как мы воспринимаем авторитеты и группы. Закрытые сообщества часто используют страх как инструмент манипуляции. Страх перед одиночеством, страх потери контроля, страх быть непонятым – все это может стать основой для того, чтобы следовать за ярким лидером, люди ищут защиту и поддержку в тех, кто обещает дать понимание и смысл в их жизни. Это очень сложный процесс, и нередко он приводит к слепой вере.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.